

Павильон Сунья принадлежал человеку расчетливому: он за бесценок скупил этот холм и засадил его всевозможными цветущими деревьями. Весной здесь цвели персики и абрикосы, зимой — сливы и орхидеи. Уловив выгоду, хозяин выстроил на вершине беседку, где торговал цветочным вином. Круглый год сюда стекались ученые мужи и поэты, чтобы полюбоваться цветами, и место это прославилось своим великолепием.

Сейчас, в начале осени, на холме всюю распускались гибискусы. Их еще называют цветами утренней зари и вечерних сумерек: каждый цветок живет лишь один день. Утром, когда он раскрывается, лепестки белые, затем постепенно розовеют, а к ночи, перед самым увяданием, становятся ярко-алыми. Оттого и прозвали их тремя ликами красавицы или тремя опьянениями лотоса.

В этот час гибискусы выглядели особенно ярко и пышно, словно стремясь показать всю свою красоту перед тем, как опасть.

Хань Бинхуань уложил Цзян Ина на траву, аккуратно выпрямил его, чтобы тот лежал на спине, и, взглядевшись в покрасневшие от винных паров глаза, накинул на него свою верхнюю одежду.

Сам же он полулежал рядом, поджав колени, любуясь звездами и цветами, но взгляд его то и дело невольно возвращался к спутнику.

Кто же ты такой на самом деле? Аромат гибискусов не был тяжелым — скорее, свежий, с терпкой ноткой, он даже помогал прояснить мысли. Хань Бинхуань, подперев голову рукой, не отрываясь смотрел на Цзян Ина, и в памяти всплывали прежние сомнения.

Этот глава Дун-чана — с его посредственным кунг-фу, наглым и подлым характером, временами проскальзывающими странными словами и совершенно неизвестными терминами — был совсем не похож на того Цзян Ина, с которым они были лишь шапочно знакомы. Но самым странным было то, что Хань Бинхуань отчетливо помнил день осенней охоты: тогда он сам был весь изранен, а один меч и вовсе пронзил его сердце насквозь. Однако, очнувшись, он не обнаружил на себе ни царапины, словно та боль и раны были лишь наваждением.

Одно время он всерьез думал, что лишился рассудка — иначе как объяснить, что такие тяжелые раны зажили за одну ночь? Но ледяное прикосновение клинка, проходящего сквозь плоть, и слабость от потери крови были слишком реальны, он даже словно наяву ощутил удушье, предшествующее смерти.

А еще... та безумная, лишенная всякого смысла...

Вспомнив нечто невероятное, он почувствовал, как сердце на миг замерло, а затем пустилось вскачь. Хань Бинхуань тихо кашлянул и отвел взгляд.

Он было собрался отодвинуться подальше, как вдруг Цзян Ин перевернулся, его рука легла Хань Бинхуаню на пояс. Затем, используя этот рычаг, он придвинулся вплотную, крепко обнял

его, прижался ногами, не оставив между ними ни единого просвета.

Хань Бинхуань: «...»

Обычно в вине, которое подают в увеселительных заведениях вроде кварталов красных фонарей, подмешивают возбуждающие средства. Дозировка там невелика, вреда здоровью почти нет, разве что бросает в жар.

Но сегодня Сюй Сы перепил. Сначала он был настолько пьян, что спал беспробудным сном, однако от ветра сознание начало возвращаться, а тело — требовать своего. Почувствовав рядом человека, он в полузабытье решил, что снял номер, и предвкушающе усмехнулся.

— Малыш, почему ты до сих пор в одежде... — Сюй Сы пошарил рукой, не ощутив привычной гладкости кожи, и недовольно нахмурился. Раз уж сняли номер, к чему эта ложная скромность? С этими мыслями он, не открывая глаз, сунул руку внутрь, пытаясь расстегнуть одежду, но никак не мог нащупать пуговиц или застежек.

Разозлившись, он дернул ногой, колено уперлось во что-то твердое. Сюй Сы инстинктивно хотел отодвинуть препятствие, но как только его рука коснулась цели, запястье перехватили.

— Малыш, тише, не балуйся, — пробормотал Сюй Сы привычным, избалованным тоном, каким обычно успокаивают детей. От этих слов лицо Хань Бинхуаня вспыхнуло всеми цветами радуги.

Видя, что тот даже не открыл глаз, Хань Бинхуань в ярости стиснул зубы. Даже дураку было ясно: глава ведомства принял его за какого-то куртизана из мужского борделя.

Сюй Сы продолжал настойчиво дергать за пояс, придавливая Хань Бинхуаня всем телом. Тот уперся коленом ему в живот, а другой рукой намертво зафиксировал шаловливые ладони Сюй Сы.

Прищурившись, Хань Бинхуань резко перевернулся, подминая его под себя и прижимая руки к земле.

— М-м... — недовольно промычал Сюй Сы. Ну и темперамент у этого партнера...

Этот тихий стон стал искрой, упавшей в сухую солому, и в темных, как бездонный омут, глазах Хань Бинхуаня вспыхнуло пламя.

Терпеть больше не было сил.

Он наклонился, сжал пальцами острый подбородок и впился в губы.

Сюй Сы, одурманенный поцелуем, внезапно опомнился и попытался оттолкнуть его:

— Вали, вали! Не целуюсь я во время дела!

Тот тихо рассмеялся, отстранился и принялся покрывать поцелуями уголки его губ:

— О? И такое правило имеется?

— Э-э... — Сюй Сы, чей мозг был затуманен, не смог придумать достойного ответа и раздраженно бросил: — У меня такое правило. Какого черта целоваться, когда мы просто... я же не собираюсь крутить с тобой любо... м-м...

Впрочем, поцелуи этого человека были не так уж неприятны. Сюй Сы начал невольно отвечать. А парень-то мастак, подумал он.

Поцелуи переместились ниже, к чувствительным местам. Тяжелое дыхание, дрожь кожи — Сюй Сы, охваченный пылом, уже готов был отдаться моменту, как вдруг на плече почувствовал резкую боль.

Подожди, почему это чувство кажется таким знакомым? Его заторможенный мозг заскрипел, как ржавые шестеренки, а когда рука нащупала внизу пустоту, шестеренки завертелись с бешеной скоростью.

Какого черта? У меня что, все еще нет... этого? Это же не мой мир! Кто тогда меня пожирает?

Сюй Сы резко открыл глаза и увидел перед собой взъерошенную макушку. Ощущения были настолько острыми, что он на пару секунд замер от удовольствия. Но когда знакомое красивое лицо поднялось и их взгляды встретились, в голове у Сюй Сы словно что-то взорвалось.

— Хань... Хань-дажень? — Сюй Сы оглядел свою распахнутую одежду, затем тяжело дышащего Хань Бинхуаня и с трудом сглотнул.

Воспоминания о недавних событиях нахлынули волной. Сюй Сы напрягся, вздрогнул, сжался, инстинктивно пытаясь отползти, но Хань Бинхуань уже загнал его в ловушку.

— Хочешь сбежать? — его хриплый, низкий голос был полон магнетизма, но для Сюй Сы это звучало как прелюдия к катастрофе.

— А-ха-ха, нет, не убегаю, — Сюй Сы поморщился. В конце концов, оба они мужчины, и он понимал, что если уж стрела выпущена, то должна лететь. Мужская солидарность не позволяла ему просто сбежать.

Но все же... — Сюй Сы попытался договориться, — надеюсь, Хань-дажень будет... ну, чуточку помягче? Ха-ха...

Хань Бинхуань приподнял бровь: видимо, в прошлый раз он был слишком груб, и это напугало партнера.

Он протянул руку и нежно погладил слегка покрасневшую мочку уха, словно успокаивая испуганного зверька. Грубые мозоли на подушечках пальцев вызвали у Сюй Сы дрожь. Тот был поражен: этот человек... проявляет нежность?

Движения Хань Бинхуаня стали мягче. Входя, он прошептал на ухо:

— Скажи, если будет больно.

Тело Цзян Ина было невероятно чувствительным. Волны странного жара поднимались от живота, разливаясь к груди, шее, ушам и глазам, одурманивая и лишая воли.

Хань Бинхуань все же был недостаточно опытен, и самоконтроль подвел его. Начав нежно, как вода, к финалу он стал действовать яростно и дико, к тому же проявилась его дурная привычка кусаться. В итоге Сюй Сы остался с ноющей поясницей и следами зубов по всему телу.

В момент разрядки Сюй Сы вдруг вздрогнул и с силой оттолкнул партнера.

Хань Бинхуань, не успев прийти в себя, почувствовал, как по пояснице Сюй Сы стекает теплая жидкость с весьма специфическим запахом...

Сюй Сы густо покраснел, став похожим на вареную креветку. Он отвернулся, свернулся калачиком и уткнулся лицом в сгиб локтя.

Черт возьми, это не я недержание заработал, это тело евнуха просто невыносимо!

В первый же день, когда Сюй Сы оказался в теле Цзян Ина, он оконфузился. С тех пор, будучи человеком чистоплотным, он постоянно ломал голову, как избежать подобных унижительных ситуаций.

На самом деле, новоиспеченным евнухам приходится несладко. Раз нет мужского достоинства, пропадает и способность удерживать мочу — риск обмочиться есть всегда. Поначалу почти никто не избегал этой участи. А поскольку нужно было постоянно работать, переодеться было некогда, приходилось ждать, пока высохнет само. Запах стоял такой, что и врагу не пожелаешь.

Вот почему большинство евнухов так любят мыться с благовониями и носить ароматные мешочки. Это то же самое, что и в средневековой Франции, где духи придумали, чтобы скрывать вонь немых тел — просто маскировка.

Но Сюй Сы всегда считал это глупостью. Как ни маскируй, вонь никуда не денется, а если смешать запах немых тел с цветочными духами, получится такая гремучая смесь, что хоть святых выноси.

Проблему надо решать у корня: не хочешь вонять — не писайся. И кто такой Сюй Сы? Неужели такой пустяк остановит образованного молодого человека из двадцать первого века? Конечно, нет.

В последнее время он строго контролировал количество выпитой воды и через полчаса после питья обязательно ходил в туалет, рассчитывая всё до минуты. Поэтому он оставался чист, даже будучи евнухом. Он даже подумывал соорудить что-то вроде подгузника для взрослых... но материалов не хватало.

И вот, когда умный и находчивый гений Сюй решил, что проблема решена, судьба отвесила ему звонкую пощечину.

Вино — это зло...

В воздухе повисла неловкая тишина.

Сюй Сы всегда считал, что его кожа на лице толщиной в три фута, но даже этого не хватило, чтобы выдержать такой позор. Попасться в такой момент... О небо, где мне спрятаться?

— Я... я не сдержался... — пробормотал он, уткнувшись лицом в локти. Про себя он матерился: ну что ты застыл, подвинься уже! Неужели у тебя такая извращенная тяга — смотреть, как люди конфузятся?

Сюй Сы был готов взорваться. Он уже хотел было сесть, как вдруг почувствовал, как сухая ткань коснулась живота. Пальцы Хань Бинхуаня были прохладными, они то и дело задевали кожу, вызывая спазмы мышц.

Сюй Сы убрал руку с глаз и взглянул вниз: Хань Бинхуань, нахмурившись, вытирал его платком. Движения были совсем не нежными, вышивка на краях платка оказалась грубой и царапала кожу. К тому же Хань Бинхуань сохранял полное бесстрашие...

— Я сам, — буркнул Сюй Сы, пытаясь выхватить платок. Но Хань Бинхуань ухватил его за руку, рывком поднял, как мешок с рисом, перенес на чистое место и снова опустил.

А затем, не говоря ни слова, продолжил вытирать его с тем же упорством.

Когда дело дошло до интимных мест, Сюй Сы отпрыгнул в сторону, прикрывая зад:

— Ты, ты... что ты делаешь?

Хань Бинхуань замер и приподнял бровь:

— Не хочешь привести себя в порядок? Грязно.

Голос его звучал как всегда — холодно и безапелляционно. Тон был такой, словно он вел допрос: улики налицо, когда уже начнешь признаваться?

— Я же сказал, я сам, — Сюй Сы разозлился и бесцеремонно выдернул платок. За всю свою жизнь он привык сам убирать за собой, а не быть объектом заботы. Что, решил, что я нежная фиалка?

Кое-как закончив, Сюй Сы накинул чистое ханьфу Хань Бинхуаня и огляделся. М-да, неплохо. Кто бы мог подумать, что этот парень такой романтик — выбрал для «полевых занятий» живописное море цветов.

Сюй Сы принялся. Аромат неизвестных цветов заполнил легкие, и он вдруг вспомнил мать. Госпожа Сюй была известным цветоводом: почти всю зарплату тратила на растения. В доме всегда пахло цветами, но от них постоянно летали мелкие мошки. Сюй Сы часто жаловался, что они кусают его, но стоило ему заикнуться, как мама смотрела на него своими огромными глазами, и он моментально умолкал.

Он всегда мечтал разбогатеть и купить для нее целую оранжерею, но не успел — так нелепо погиб.

Он глубоко вздохнул, и Хань Бинхуань, сидевший рядом, как статуя, наконец подал голос:

— Пятый принц Ци Чао замышляет переворот. Глава ведомства хочет присоединиться к нему?

Вот оно что... Сюй Сы выдохнул, сорвал пучок травы и ответил равнодушно:

— Разумеется, нет.

— Тогда каковы намерения главы ведомства? — Хань Бинхуань повернулся, встретившись взглядом с глазами Сюй Сы. В них отражались мириады звезд.

— Почему Хань-дажень не сомневается во мне? — спросил Сюй Сы.

Обычный человек, услышав разговор Цзян Ина и Ци Чао, не стал бы спрашивать, а сразу решил бы, что они заодно. Хотя, если честно, Цзян Ин и был с ним заодно, пока его не подменил Сюй Сы.

Хань Бинхуань отвел взгляд, глядя куда-то в пустоту:

— Если бы ты искренне был заодно с пятым принцем, то не помог бы мне выяснить, что порошок «Грезы» родом из Западного края.

Ого, вот где была зацепка.

— Мать пятого принца была принцессой из Западного края, которую преподнесли императору в качестве дани ради мира. Говорят, она была любимицей тамошнего правителя. Нынешний император лишь из уважения к их покорности позволил им остаться, — монотонным тоном профессора философии продолжал Хань Бинхуань.

— Значит, за спиной Ци Чао стоят силы Западного края? — Сюй Сы схватился за голову, дело принимало сложный оборот.

В глазах Хань Бинхуаня промелькнуло удивление:

— Я думал, глава ведомства давно в стоворе с принцем и должен был знать об этом.

А, так ты меня проверяешь? Значит, не доверяешь до конца... Сюй Сы перебирал пальцами траву. Цзян Ин наверняка знал об этом, но его память была стерта, и Сюй Сы оставался в неведении. Это чувство — словно идешь в тумане — было просто отвратительным.

— Хань-дажень слишком высокого мнения обо мне. Наши отношения с Ци Чао еще не достигли той стадии, чтобы он посвящал меня во все свои планы, — Сюй Сы решил уйти от прямого ответа.

— Хм... — Хань Бинхуань задумался. — И как, по-вашему, стоит доложить об этом императору?

Сюй Сы, не задумываясь, ответил:

— Разумеется, рассказать всё как есть.

— Я обнаружил мятежные планы пятого принца, узнал, что он хочет объединиться с левым дуду Ван Мяо, но, не имея доказательств, решил притвориться, что перешел на его сторону, чтобы проникнуть в стан врага. Когда он решит, что всё готово, я в решающий момент перейду на сторону императора. Поймаем их с поличным, заодно выявим всех пособников. Одним выстрелом двух зайцев. Как тебе, Хань-дажень?

Высказав свой план, Сюй Сы почувствовал себя настоящим героем. Идеально: он и предателя устранил, и сам останется в белом, как храбрец, вошедший в логово тигра.

Хань Бинхуань слегка улыбнулся:

— Как скажешь.

И это всё? Сюй Сы опешил. В его плане было полно дыр: почему он не доложил раньше, если всё знал? Как так быстро втерся в доверие? Почему организация принца скрывается под прикрытием охранного бюро, которое он же и опекает?

Сюй Сы становилось не по себе от того, насколько всё было шито белыми нитками. Неужели Хань Бинхуань настолько ослеплен его красотой, что не видит очевидного?

Это желание, чтобы его разоблачили, преследовало его до тех пор, пока не навалилась сонливость.

— Слушай, а почему ты любишь кусаться? — глядя в ночное небо, спросил он.

Хань Бинхуань внезапно рассмеялся. Этот смех прозвучал так жутко, что сон как рукой сняло. Сюй Сы вздрогнул.

— Наверное, привычка из детства, — уголки глаз Хань Бинхуаня опустились, но губы продолжали улыбаться, и в этом было столько печали. — Когда отец был жив, мать постоянно с ним ссорилась. Доходило до драки, и она, не имея других аргументов, начинала кусаться — до крови, пока отец не отступал.

Голос Хань Бинхуаня наполнился горечью:

— Ребенок любит подражать взрослым. Позже, если соседские дети обижали меня, я, теряя контроль, тоже начинал кусаться. Но это было лишь в детстве. Повзрослев, я избавился от этого... Кто бы мог подумать, что привычка затаилась так глубоко...

— Ха-ха-ха! — Сюй Сы неуместно расхохотался, похлопав его по плечу. — Не ожидал, что Хань-дажень в детстве был собакой.

Лицо Хань Бинхуаня моментально покрылось инеем.

Сюй Сы вдруг перестал смеяться. Он лениво взглянул на следы зубов на своем запястье и сказал:

— Ладно, впредь разрешаю тебе кусать меня. Как хочешь.

Переворот — вещь забавная.

Ци Чао почти месяц суетился в страхе, а Ци Юань наблюдал за ним, как за клоуном, с невозмутимым лицом.

Это было похоже на то, как Будда смотрит на обезьяну, пытающуюся выбраться с его ладони: давай, малыш, кувyrкайся, посмотрим, что из этого выйдет.

Если бы Ци Чао узнал об этом... наверное, его бы хватил удар.

Впервые в жизни став шпионом, Сюй Сы исполнял свои обязанности добросовестно, докладывая обо всем до мельчайших подробностей.

<http://bllate.org/book/19095/1875335>